

**Диалогическая эстетика
в русско-итальянском тексте Бориса Зайцева***

Ольга Жукова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

**Dialogic Aesthetics
in Boris Zaitsev's Russian-Italian Text****

Olga Zhukova

HSE University,
Moscow, Russia

This article examines the interconnection of the images of Russia and Italy in B. K. Zaitsev's artistic consciousness revealing their ideal-forming meaning and studying the literary and aesthetic concept of the writer. It is argued that the themes of Russia, Italy, and Florence dominate in the writer's work, making up the internal semantic unity of his multi-genre texts. The "Florentine text" is interpreted as a local textual subsystem of the "Italian text", which is a dialogical element of the Russian-Italian text (super-text) created by the writer throughout his artistic life. According to Zaitsev, the city of Dante formed his aesthetic experience, his spiritual, and intellectual identity. Building a dialogue between Russian literature and Dante's work, Zaitsev follows the philosophical and aesthetic programme of Russian Europeanism characteristic of the Silver Age culture. In the article, the author develops the thesis about the relationship between the image of Russia and that of Florence in the artistic consciousness of Boris Zaitsev. It is demonstrated that the study of Zaitsev's "Florentine text" provides an idea of the semantic conditionality between the leading Russian and Italian themes in the writer's work that define his aesthetic concept as dialogical. To achieve this goal, the paper analyses Zaitsev's artistic and documentary evidence about Florence and the features of his aesthetic reception of the culture of Russia and Italy.

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

** Citation: Zhukova, O. (2023). Dialogic Aesthetics in Boris Zaitsev's Russian-Italian Text. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 1. P. 325–338. DOI 10.15826/qr.2023.1.792.

Цитирование: Zhukova O. Dialogic Aesthetics in Boris Zaitsev's Russian-Italian Text // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 1. P. 325–338. DOI 10.15826/qr.2023.1.792 / Жукова О. Диалогическая эстетика в русско-итальянском тексте Бориса Зайцева // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 1. С. 325–338. DOI 10.15826/qr.2023.1.792.

The article focuses on the method of literary mnemonics developed by the writer. With its help, Zaitsev creates an authorial version of the myth of Florence in the context of Russian and European literature. The reconstruction of the historical and ideological context of Zaitsev's work proposed in the article makes it possible to understand the artistic and philosophical nature of his works addressed to Russia and Italy more accurately. As a result of the study, the author determines the structure of the dialogical interactions of imaginative and semantic elements of Zaitsev's Russian-Italian narrative. Russian and Italian themes that form the dialogical integrity of the Russian-Italian text in the writer's work are a key aspect of our understanding of B. K. Zaitsev's artistic concept from the point of view of literary theory and aesthetics.

Keywords: Russian-Italian text, literary aesthetics, Florence, Russia, Italy, dialogue

Рассматривается взаимосвязь образа России и образа Италии в творческом опыте Бориса Зайцева, выявляется их идеалообразующее значение, исследуются особенности литературно-эстетической концепции писателя. Утверждается, что темы России, Италии и Флоренции составляют внутреннее смысловое единство его разножанровых текстов. «Флорентийский текст» интерпретируется как локальная текстовая подсистема «итальянского текста», выступающего диалогическим элементом русско-итальянского текста (сверхтекста), создававшегося писателем на протяжении всего творчества. Город Данте, по признанию Зайцева, сформировал его эстетический опыт, духовную и интеллектуальную идентичность. Выстраивая диалог между русской литературой и творчеством Данте, Зайцев следует философско-эстетической программе русского европеизма, характерной для культуры Серебряного века. В центре внимания автора статьи – тезис о диалогической природе творческого сознания писателя. Показано, что исследование «флорентийского текста» Зайцева обеспечивает представление о смысловой обусловленности между ведущими в творчестве писателя русской и итальянской темами, которые определяют его эстетическую концепцию как диалогическую. Для реализации этой цели осуществлен анализ художественных и документальных свидетельств Зайцева о Флоренции, а также особенностей его эстетической рецепции культуры России и Италии. В фокусе статьи – разрабатываемый писателем способ литературной мнемотехники, с помощью которого Зайцев создает авторскую версию мифа о Флоренции в контексте русской и европейской литературы. Предлагаемая реконструкция исторического и идейного контекста творчества писателя дает возможность более точно понять художественную и философскую природу его произведений, адресованных России и Италии. Результатом становится определение структуры диалогических взаимодействий образно-смысловых элементов русско-итальянского нарратива Зайцева. Образный параллелизм и смысловая связность русской и итальянской тем, образующих в творчестве писателя диалогическую целостность русско-итальянского текста, являются ключевым аспектом понимания его художественной концепции.

Ключевые слова: Б. К. Зайцев, русско-итальянский текст, литературная эстетика, Флоренция, Россия, Италия, диалог

Исследовательский дискурс о Б. К. Зайцеве формируется вокруг изучения творческого метода писателя, особенностей поэтики и жанровой структуры его художественных, публицистических и мемуарных произведений, в центре которых находится создаваемый им образ России и человека русской культуры [Шиляева, с. 7; Lo Gatto, p. 50–53; Дудина, с. 5–7; Степанова, с. 8–10; Яркова, с. 208]. Отдельно в корпусе научной литературы необходимо выделить исследования и архивные публикации, связанные с другой важнейшей темой в творчестве Зайцева – Италией [Переписка Б. К. Зайцева с Ольгой Синьорелли, с. 231–250; Комолова, 1998; Кара-Мурза, 2009, с. 41–43; Романович; Рылова].

Творческую основу художественного самосознания Б. К. Зайцева составляет диалогический принцип смыслового взаимообмена русской и итальянской культуры, где итальянская тема выступает ярким выражением более широкой культурно-эстетической программы русского европеизма [см.: Зайцев, 1957]. «Итальянский текст» Зайцева формируется в диалогическом сопряжении с определяющим языковое и эстетическое сознание писателя русским свертхтекстом, в котором художественно и философски осмыслен образ России и духовные идеалы русской культуры [Зайцев, 1999–2001, т. 7, с. 323–327].

Понятие свертхтекста [Меднис, с. 6] используется нами как для обозначения совокупности произведений писателя, так и для выделения в этой метасистеме локальных текстовых подсистем, формирующихся на основе городской топики («московский текст», «римский текст», «флорентийский текст» и др.) В работе нет цели рассмотреть всю целостность «итальянского текста» Зайцева, который остается многообещающей темой в рамках исследования «итальянского текста» русской культуры [Гардзонио, с. 37–38; Деотто, 1998; Константинова]. Задача заключается в интерпретации преимущественно флорентийских сюжетов Б. К. Зайцева во взаимодействии русской и итальянской тем в его творчестве. Эту внутреннюю взаимосвязь, как нам представляется, можно выделить и охарактеризовать как специфический литературно-эстетический феномен в силу его диалогической связности и образно-семантического единства, обеспеченного особенностями рецепции писателем итальянской культуры и творческого переосмысления им традиции собственной культуры. Специальное внимание уделено топике Флоренции, которая, с нашей точки зрения, наряду с топикой России является порождающей идейно-смысловой моделью литературной эстетики Б. Зайцева и характеризует *диалогическую установку* его творческого сознания. Она проявляется в постоянной обращенности Зайцева к художественному наследию итальянской культуры, и особенным образом – к духовно-эстетическому опыту Данте, который не только выступает для него образцом творчества, но и воспринимается глубоко лично, навсегда становится его учителем, собеседником и спутником [Зайцев, 1957].

Характерную для творческого сознания Бориса Зайцева стратегию – его диалогическую открытость к художественным опытам европейской литературы – выделит Г. И. Чулков, замечая, что писатель «постоянно искал каких-то больших встреч – то с Гете, то с Данте, то с Италией раннего Возрождения...» [Чулков, с. 266]. В контексте выстраиваемых жизненных и художественно-смысловых параллелей с наследием итальянской культуры можно говорить о создаваемом Б. Зайцевым «флорентийском тексте» в рамках общей структуры его «итальянского текста», включенного, как выше было сказано, в целостность русско-итальянского текста (сверхтекста), под которым мы будем понимать совокупность его разножанровых произведений, посвященных России и Италии и/или тематически связанных с ними. В рамках «флорентийского текста» происходит литературно-эстетическая и культурфилософская *тематизация* Зайцевым русского культурного мифа о Флоренции¹, раскрывается его подход к истории как к культурному преданию – к культурному мифу, создаваемому творческой личностью. В этом диалоге с гением итальянской культуры происходят распознавание и переосмысление национальных культурных традиций. Тема Флоренции, как и тема России, глубоко проинтонирована Б. Зайцевым [Кара-Мурза, 2016, с. 402]. Важно отметить тот факт, что свою влюбленную привязанность к Италии Зайцев склонен был относить к впечатлению, которое впервые произвели на него в 1904 г. Флоренция и Данте как ее символ. На склоне лет в очерке «Семь веков» он писал:

Не могу точно вспомнить, но наверное знаю, что он поразил сразу, – профилем ли, своей легендой, неким веянием над городом. Началась болезнь, называемая любовью к Италии, несколько позже и к самому Данте [Зайцев, 1999–2001, т. 9, с. 407–408].

Флорентиниана Зайцева первоначально возникает на жанровой основе путевого очерка – разновидности травелога, который в развитии авторской идеи приобретает эссеистические и мемуарные черты. Создавая образ Флоренции и ее художественных гениев, Зайцев апроприирует идеалы и философско-эстетические концепты итальянской культуры. В свою очередь, это понимание становится ценностно-смысловым основанием для выстраивания отношений с наследием материнской культуры. Определяющим оказывается гармоническое сочетание творческой свободы и религиозных смыслов жизни, образец которого он видит в «Божественной комедии», понимая ее как выражение единства «непосредственно-художественного с религиозно-философским, политическим, церковным» [Зайцев, 1922, с. 27].

¹ О сложении «флорентийского текста» в русской культуре XIX – первой трети XX в. подробнее см.: [Хождения во Флоренцию; Гребнева, с. 5–9].

Рассматривая русско-итальянскую тему как определяющую художническое самосознание Б. К. Зайцева, необходимо подчеркнуть, что, впитав в себя эстетические искания и открытия Серебряного века вместе с другими ее авторами, писатель совершил диалогический обмен с идеями, образами и концептами европейской культуры основой своей творческой программы [Деотто, 2004, с. 455–460; Комолова, 2005]. Оставаясь, по определению Михаила Осоргина, «руссейшим» художником [Осоргин, с. 9], Зайцев был носителем интеллектуальной традиции русского европеизма – течения в общественной и духовной жизни России XIX – первой половины XX в., для которого было характерно стремление к синтезу ценностей национальной и европейской культуры. Понимая русскую культуру как неотъемлемую часть христианской традиции Европы, он выстраивал своеобразную двойную оптику эстетических миров. Входя в горизонт художественного сознания авторов отечественной и европейской литературы, Зайцев во многом воспринимал и оценивал русскую литературно-эстетическую традицию сквозь призму творческого наследия Италии и достижений гениального флорентийца Данте. В марте 1965 г. Зайцев в письме из Парижа к ленинградскому литературоведу Л. Н. Назаровой, радуясь положительному отклику на свою статью о Данте, признавался:

Да, вот так получилось, что калужско-московско-тульского человека заполонил этот флорентиец средневековый! Не вру, действительно рядом жили, и не один год, а в тяжелые времена [Зайцев, 1999–2001, т. 11, с. 228].

С Данте русского писателя связывала своеобразная поэтизация жизни – чувство космического единства человека, природы, культуры и Бога в сочетании религиозного и художественного способов восприятия мира. Роднят его с Данте и исповедальный характер творчества, и, конечно, тема изгнанничества. Фигура Данте для Зайцева – это воплощение творческого универсализма, нового типа авторства, синтезирующего непосредственное художественное восприятие мира с религиозно-философским способом его осмысления. Русские писатели, поэты и мыслители Серебряного века с их повышенным вниманием к религиозной проблематике оказались чутки к метафизическому стилю мышления великого флорентийца. Творчество Данте, которое транслировало ценности и смыслы античной и гуманизированной христианской культуры Возрождения, было включено ими в свой художественный и интеллектуальный дискурс [Панова, 2019]. Но даже на фоне многих диалогов русских авторов с Данте интенсивность диалога Зайцева и создателя «Божественной комедии» столь сильна и постоянна, что заставляет писателя сделать в поздние годы признание: «Если бы я верил в перевоплощение, то утверждал бы, что во Флоренции когда-то жил, и Данте был чуть ли не моим соседом» [Зайцев, 1999–2001, т. 11, с. 221].

Россия и Флоренция: диалог культур

Эстетический универсум Б. К. Зайцева выстраивается вокруг *двух метаобразов*: России, небесной ипостасью которой выступает Святая Русь, и Италии, универсально-символическими выражениями которой являются Флоренция и Данте. На протяжении всего творческого пути писателя эти метаобразы вступают между собой во взаимодействие и смысловой взаимообмен, воплощая философскую идею диалога культур и образуя два дополняющих друг друга ценностно-смысловых центра. Смыслообразы России и Италии, универсально-символическим ядром которых, с одной стороны, является интимно-личностная самоидентификация русскости, с другой, – личностно пережитый культурный миф Флоренции, создают семиотическое пространство произведений Б. Зайцева и определяют его творчество дореволюционного и эмигрантского периодов.

Образ России может быть трактован как своеобразный поэтический и художественно-философский концепт, лиро-эпическое звучание которого усиливается после вынужденного расставания писателя с родиной. В эмигрантский период он приобретает значение подлинной метатемы всего творчества, прорастая в «Россию Святой Руси, которую без страданий революции, может быть, и не увидел бы никогда» [Зайцев, 1999–2001, т. 9, с. 17]. Образ России в литературно-эстетической системе Зайцева-писателя и мемуариста является авторской мифологемой. Ее содержание определяют концепты Дома, Святой Руси, русской культуры, национального пейзажа и характера русского человека. При этом семантическое наполнение слова «русский», как отмечает Ю. А. Драгунова, связано «с понятиями вечности, тишины, естественности, первозданности, наивности, безгрешности, гармонии, душевности и духовности» [Драгунова, с. 60–63]. В автобиографической тетралогии «Путешествие Глеба» Зайцев определенно говорит, что все написанное им «выросло из России, лишь Россией и дышит» [Зайцев, 1999–2001, т. 4, с. 590]. В итальянских городах, в любимой Зайцевым Флоренции, сохраняющей дух Данте, он счастливым для себя образом находил *отражение* и древнерусской культуры, и ее великой литературы Золотого века, осуществившей синтез национально-культурных традиций и европейского культурного предания [Себежко, с. 27].

Воспоминания в виде описаний событий далекого или недавнего прошлого для Зайцева, большую часть жизни прожившего за пределами России, становятся одновременно и специфической литературной мнемотехникой, и живой, творчески осуществляемой памятью культуры. О таком законе памяти культуры, который работает в текстах Зайцева, Ю. М. Лотман говорил, что иногда «“прошедшее” культуры для ее будущего состояния имеет большее значение, чем ее “настоящее”» [Лотман, с. 615]. В произведениях эмигрантского периода проявляется забота писателя о сохранении семиосферы русской

культуры, где итальянская тема становится ее отражающим оптическим *расширением*. В текстах различной жанровой природы семиосфера русской культуры выступает в качестве знаково-смысловой общности, внутри которой осуществляется коммуникация с семиосферой итальянской культуры, представленной творчеством Данте и других гениев Возрождения. Возникает эффект понимания между «адресантом» и «адресатом», при этом осознание единства всей культурной системы проявляется только в общей европейской истории. Оценивая творчество Зайцева, Ф. А. Степун сделал вывод, что потрясения, перенесенные художником, как и его эмигрантская разъединенность с родиной, задали особую направленность его творчеству, поставив его в ситуацию диалога с европейским культурным преданием и с прошлым России, ее религиозной историей, что придало лиро-эпический характер всему повествованию [Степун, с. 272]. В интерпретации Степуна романы, написанные в эмиграции, раскрывали двуединую русско-европейскую душу художника: «“Тишина”, “Древо жизни” – это возврат Зайцева на свою историческую духовную родину, возврат в предреволюционную Россию, в близкую Зайцеву с юных лет греко-латинскую Европу и в православную церковь» [Там же, с. 258]. Степун был убежден, что такое устройство души – показатель не мирозерцательного двоедушия, а творческого единодушия [Там же, с. 262–263].

Анализ корпуса сочинений Зайцева показывает, что в эмигрантский период значение авторской мнемотехники как литературного приема и эстетической сверхзадачи по сохранению исходной культурной традиции для него значительно возросло. Он продолжал верить в Россию, полагая, что задача эмиграции состоит в том, чтобы «жить и бороться, утверждая наше» [Зайцев, 1999–2001, т. 3, с. 198]. Актуализация смыслов русской культуры и удержание единства ее ценностно-смыслового поля – семиосферы – во многом достигались писателем с помощью культурфилософской рефлексии и мнемотехнических практик литературно-документального, мемуарного и художественного нарратива, в который необходимым образом были включены «итальянский текст» и «флорентийский» как его ядерная часть. «Флорентийский текст» Зайцева является моментом личностной самоидентификации, способом опознания «своего – другого» в выявлении особенностей русской культуры, в результате чего устанавливается духовно-эстетическая общность обеих культур, при этом «наиболее ощутимо “италофильские” устремления Зайцева» выражаются «в его увлечении творчеством Данте» [Воропаева, с. 17].

По признанию Зайцева, гений флорентийца вдохновлял и сопровождал его творческие поиски на протяжении всей жизни, о чем свидетельствует его многолетняя работа над переводом «Ада» из «Божественной комедии», эстетическим осмыслением которой стали статья «Данте и его поэма» (1922) и краткий очерк «Данте: судьба» (1965). И в этой привязанности к Данте он близок к А. Блоку, ощущавшему

сильное влияние певца «Новой жизни» на свое поэтическое мировосприятие [Федякин, с. 865–866]. Немаловажно, что Зайцев также увидел символический параллелизм в изгнаничестве Данте, посчитав, что судьба всех эмигрантов одинакова. Как Данте, «первый эмигрант Европы», вглядывался в закатное солнце в надежде увидеть там Флоренцию, так и русские, разлученные с родиной, смотрели на восток, в сторону России: «Все казалось: а в конце концов ее увидишь» [Зайцев, 1999–2001, т. 9, с. 240].

Этот внутренний диалог с итальянской культурой у Данте приобретает дополнительный смысл, подчеркивая общность судьбы и служа опорой в деле сохранения и переосмысления опыта русской культуры, выраженного в ее слове и духовных идеалах. Для Зайцева, пытавшегося сберечь национально-культурное своеобразие речи, ее образного строя в иноязычной среде, выстраивалась новая практика идентификации, преимущественно на основе синтеза ценностей православия и русской классической культуры. Топосы Италии и Флоренции в такой практике *мемориализации* национальной традиции выступали в качестве сложной оптической системы культурных отражений.

Образ Италии, который мы находим в большом количестве разножанровых текстов писателя, создает систему семантических удвоений мифопоэтической вселенной Зайцева, являясь в одних случаях отражением образа России, как бы ее дополненной эстетической реальностью («Италия», «Повесть о двух городах», «Латинское небо»), в других – духовной проекцией ее образа («Дальний край», «Золотой узор», «Путешествие Глеба», «1908: Рим»; «Чего уже не увидишь»). Двуединство души художника, отмеченное Степуном, проявилось в отношении к Италии как ко второй духовной родине.

По собственному признанию Зайцева, Италия, которую он принял «как чистое откровение красоты», определила его художественное самосознание [Зайцев, 1999–2001, т. 4, с. 588]. Для молодого писателя поездка с женой в 1904 г. оказалась судьбоносной, в период с 1907 по 1911 г. Зайцев неоднократно приезжал в Италию и подолгу жил в ней. Первый цикл очерков об Италии он публиковал в 1907 г. в журнале «Перевал» и газете «Литературно-художественная неделя». Общее увлечение Италией разделяли его друзья Михаил Осоргин и Павел Муратов, вместе с Зайцевым создававшие «итальянский текст» русской культуры, который стал важным моментом эстетической рефлексии мыслителей, художников и поэтов Серебряного века.

По совету П. П. Муратова, посвятившего своему другу Б. К. Зайцеву знаменитые «Образы Италии», в 1910-е гг. писатель осуществил перевод «Ада» Данте ритмизованной прозой, вышедший в свет только в 1961 г. в Париже. В разгар революционного хаоса и начинавшейся Гражданской войны в России в апреле 1918 г. Зайцев принял участие в основании в Москве гуманитарного объединения *Studio Italiano*, занимавшегося изучением и популяризацией итальянской культуры, где неоднократно выступал с докладами [Кара-Мурза, 2009, с. 51]. Как

результат участия Зайцева в деятельности *Studio Italiano* в послереволюционной России были опубликованы итальянские очерки: в газете «Возрождение» – «Флорентийские очерки» (1920), в журнале «Московский альманах» – очерки о Генуе, Венеции, Ассизи (1922). Работа «Данте и его поэма» была последней, вышедшей в России. Оказавшись в эти «окаянные дни» в своеобразной внутренней эмиграции, Зайцев погрузился в символическое пространство итальянской культуры и спасался работой над путевыми очерками об Италии, объединенными сквозной темой русско-итальянского травелога. Вместе с другими текстами они были объединены в книгу «Италия», опубликованную в 1923 г., когда писатель уже оказался за пределами России.

В прозаических произведениях Б. К. Зайцева, его заметках, очерках, письмах дореволюционного и эмигрантского периода, в которых присутствует тема Италии, при выявлении структурно-содержательных особенностей «флорентийского текста» обращает на себя внимание наличие трех повторяющихся элементов – мотивов, тесно связанных со спецификой создания образно-смыслового ряда и техникой литературной наррации.

Первый мотив – *эстетический*, чувства восторга и восхищения Флоренцией, которые передаются через эмоциональный отклик при описании городского пространства, памятников архитектуры и искусства, примером чего является фрагмент из трех очерков о Флоренции, вошедших в книгу «Италия». Бытовые и исторические детали переплетены, переданы в динамике, соответствуя нетерпеливому ожиданию путешественника, его жгучему желанию охватить одним взором красоты города:

А утром, на раннем рассвете, спускаетесь вы с Апеннин и мчитесь в розовато-дымную долину: там Арно, Пистойя, Флоренция, и Данте, и другие. С гор стекает свежесть; облака курятся – и она ждет вас – светлая, розовая, божественная Флоренция, Киприда Боттичелли с гениями ветров и золотыми волосами. Восходящее солнце, надежды, вокзал, сутолка, факино, deposito <камера хранения> – и сразу вы в самом сердце ее. И прямо перед вами Санта Мария Новелла [Зайцев, 1999–2001, т. 3, с. 440].

Жанровая формула, применяемая Зайцевым, – путевой дневник, культурно-историческая зарисовка, экфрасис, художественные элементы которых перемешаны в свободной импрессионистической манере повествования и изображения.

Второй мотив – *историософский и культурфилософский* – связан с возвеличиванием культурного богатства и красоты Флоренции в ряду великих и знаменитых итальянских городов, что является источником вдохновения писателя и дарит ему радость жизни и творчества. Это ярко заметно в компаративной перспективе, особенно при сравнении Флоренции с Римом. В очерке «1908: Рим» (1962) Зайцев,

вспоминая Флоренцию, отдает ей предпочтение как городу весны, радости и божественной красоты в противовес сложному и серьезному Риму, городу, граничащему с Вечностью:

Во Флоренции были мы в прошлом году в мае. Май, свет, радость – это Флоренция. Рим – осень. Так оно и должно быть. Мы и прожили осень в Риме, близ Испанской лестницы у Монте Пинчио, снимали комнату у итальянцев в какой-то огромной квартире. Опыянения и восторга Флоренции здесь не было. Серьезнее, строже, отчасти грустнее, всегда на пороге Вечности [Зайцев, 1999–2001, т. 6, с. 256].

В борьбе двух городов за сердце русского писателя решительная победа, как он сам признается в начале 1912 г., «на всю жизнь осталась за Флоренцией» [Там же, т. 10, с. 86].

Третий мотив – *экзистенциально-творческий*, характеризующий лично-окрашенный тип восприятия Флоренции как «своего» города, города судьбы и второй родины. В письме из Петербурга от 28 июля (10 августа н. ст.) 1910 г. Зайцев просит В. И. Стражева, поэта и литературоведа, находящегося в Венеции, передать поклон любимой Флоренции: «Поклонись от меня моей милой родине, о которой я думаю постоянно (стань лицом к Флоренции)» [Там же, с. 73]. Это глубинное чувство родства с Флоренцией, сопричастности ее творческому духу неоднократно будет высказано и в поздние годы жизни. «Я Петербурга никогда не любил. Не мой это город. Моя – Москва и Флоренция», – напишет Л. Н. Назаровой в сообщении от 17 мая 1962 г. Б. К. Зайцев [Там же, т. 11, с. 195].

Во всех произведениях, следуя довольно рано сформировавшейся культурно-эстетической программе, развивающей традиции русского европеизма, Зайцев, по его словам, старался раскрыть «историософский смысл русского чувства Италии» [Там же, т. 2, с. 373]. Тем самым он проявлял общую со многими писателями и философами эмпатическую привязанность русских интеллектуалов к Италии и ее сокровищам искусства, литературы и философии, их особое «чувство Италии» [Бердяев, с. 2]. В этом контексте итальянский след, оставленный Борисом Зайцевым в метатексте русской культуры, созданный им диалогический литературно-эстетический дискурс о России, Италии и Флоренции остается значимым пространством смыслов для чтения и интерпретации.

По нашему мнению, идеалообразующим началом литературно-эстетической концепции Зайцева, создаваемой в процессе диалога с литературой и культурой Италии, наряду с этосом православной духовности, который определяет сокровенный образ России – Святой Руси, выступает этос творчества. Его выражением для писателя является Флоренция, носительница идеи художественного гения, создающего культуру. Эта ключевая философская идея о творчестве человека в истории лежит в основе интеллектуальной и литературно-

эстетической программы Нового времени. Настоящую идею Зайцев наследует и развивает в авторском синтезе образов, смыслов и значений русской и итальянской литературы. Осуществляемый писателем художественно-образный синтез двух эстетических миров, органичный для его мироощущения как русского европейца, определяет структурно-смысловые особенности его творческого диалога с литературной и культурной традицией Италии и Флоренции. К данным особенностям можно отнести следующие:

- стремление писателя сохранить смыслы и ценности русской культуры как основание для понимания различных национально-культурных традиций [Зайцев, 1999–2001, т. 11, с. 228];

- интерпретация общности национальных культур Европы в духе идеалов христианского универсализма – воплощенного в истории синтеза античной и иудео-христианской традиций, что приближает литературный нарратив Зайцева к историософской и культурно-эстетической проблематике русских философов-европеистов Н. А. Бердяева, В. В. Вейдле, Ф. А. Степуна;

- признание творческих достижений культуры Европы с ее гениальными художественными вершинами, в первую очередь Данте, как концептуальной и ценностной основы эстетической программы своего творчества [Там же, т. 8, с. 485];

- выявление культурных взаимосвязей между Россией и Италией, в том числе возможного религиозно-культурного сближения восточного христианства с римско-католическим [Там же, т. 7, с. 348]. Камертоном, позволяющим устанавливать критерий подлинности в художественном произведении и выстраивать духовную и эстетическую иерархию ценностей на этом пути русско-европейского синтеза, где Россия остается держательницей православного умозрения, а Европа – западной теологической учености и светского гуманизма, для писателя остается Библия. Долгие годы работая над переводом «Божественной комедии» Данте и успев осуществить только перевод «Ада», Зайцев выведет свою эстетическую и творческую формулу совершенства, обращаясь к флорентийцу: «Данте – последняя ступень перед Священным Писанием. Выше его Библия. Остальное все ниже» [Там же, т. 9, с. 200].

Акцентированная самим писателем образно-смысловая доминанта русско-флорентийской темы была подкреплена признанием, что важнейшим фактом его духовного развития были «путешествия в Италию и страстная любовь к итальянскому искусству, природе и городу Флоренции» [Там же, т. 10, с. 90]. Этот опыт творческого самоопределения позволяет обозначить дальнейшую исследовательскую перспективу в изучении «флорентийского» текста в рамках выявляемого в работе смыслового взаимодействия образов России и Италии, значимого для анализа наследия Б. К. Зайцева, и обоснованно настаивать на характеристике его литературно-эстетической концепции как диалогической.

Библиографические ссылки

- Бердяев Н. А.* Чувство Италии // Биржевые ведом. 1915. 2 июля. № 14 039. С. 2.
- Воропаева Е. В.* Жизнь и творчество Бориса Зайцева // Зайцев Б. К. Соч. : в 3 т. М. : Худож. лит. : Терра, 1993. Т. 1. С. 5–47.
- Гардзонио С.* Об итальянских стихах Гумилева, Городецкого и Пастернака: (фрески пизанского Кампосанто) // Гардзонио С. Статьи по русской поэзии и культуре XX века. М. : Водолей Publ., 2006. С. 37–42.
- Гребнева М. П.* Концептосфера флорентийского мифа в русской словесности. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2009. 182 с.
- Деотто П.* Материалы для изучения итальянского текста в русской культуре // Slavica Tergestina. 1998. № 6. С. 197–226.
- Деотто П.* «Образы Италии» Муратова: постижение своего в Чужом // Literackie jako dzieło literackie / red. A. Majmieskutow. Bydgoszcz : Wydawnictwo Akademii Bydgoskiej, 2004. S. 455–461.
- Драгунова Ю. А.* Мифологема России в творчестве Б. К. Зайцева // Творчество Б. К. Зайцева и мировая культура : материалы междунар. науч. конф., посв. 130-летию со дня рождения писателя. 27–29 апреля 2011 года, Орел : Орлов. гос. ун-т, 2011. С. 60–64.
- Дудина Е. Ф.* Творчество Б. К. Зайцева 1901–1921 годов: своеобразие художественного метода : дис. ... канд. филол. наук. Орел : [Б. и.], 2007. 230 с.
- Зайцев Б. К.* Данте и его поэма. М. : Вега, 1922. 32 с.
- Зайцев Б. К.* О себе // Возрождение. Париж. 1957. № 70.
- Зайцев Б. К.* Собрание сочинений : в 11 т. М. : Рус. книга, 1999–2001.
- Кара-Мурза А. А.* «Пространство культуры» versus «пространство власти» : (Исторические размышления Бориса Константиновича Зайцева) // Кара-Мурза А. А. Интеллектуальные портреты. Очерки о русских мыслителях XIX–XX вв. М. : Ин-т философии РАН, 2009. Вып. 2. С. 40–62.
- Кара-Мурза А. А.* Знаменитые русские о Флоренции. М. : Изд-во Ольги Морозовой, 2016. 639 с.
- Комолова Н. П.* Италия в судьбе и творчестве Б. Зайцева. М. : Ин-т всеобщ. ист. РАН, 1998. 86 с.
- Комолова Н. П.* Италия в русской культуре Серебряного века. Времена и судьбы. М. : Наука, 2005. 470 с.
- Константинова С. Л.* «Итальянский текст» русской литературы XIX–XX вв. Псков : ПГПУ, 2005. 159 с.
- Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб., 2004. 704 с.
- Меднис Н. Е.* Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск : НГПУ, 2003. 170 с.
- Осоргин М. А.* Этюды о писателях. Б. К. Зайцев // Новая рус. книга. 1923. № 3–4. С. 8–9.
- Панова Л. Г.* Италиянсья, русея: Данте и Петрарка в литературном дискурсе Серебряного века от символистов до Мандельштама. М. : РГГУ, 2019. 679 с.
- Переписка Б. К. Зайцева с Ольгой Синьорелли (1923–1965) // Русско-итальянский архив IX. Ольга Ресневич-Синьорелли и русская эмиграция: переписка / сост. и ред. Э. Гаретто, А. д'Амелия, К. Кумпан, Д. Рицци. Салерно : [Б. и.], 2012. С. 231–250.*
- Романович А.* Италия в жизни и творчестве Б. К. Зайцева // Рус. лит. 1999. № 4. С. 54–67.
- Рылова А. Е.* «Куда ведут все пути...» : Италия в творчестве Бориса Зайцева. Иваново ; Шуя : Изд. Епишева О. В : Изд-во Шуйск. филиала Иванов. гос. ун-та, 2014. 320 с.
- Себежко Е. С.* «Умножающиеся» отражения: Зайцев, Муратов, Бекфорд // Творчество Б. К. Зайцева и мировая культура : материалы междунар. науч. конф., посв. 130-летию со дня рожд. писателя. 27–29 апреля 2011 г. Орел : Орлов. гос. ун-т, 2011. С. 26–30.
- Степанова Т. М.* Художественный мир публицистики русского зарубежья. Борис Зайцев. М. : Изд-во МГОУ, 2004. 327 с.

Степун Ф. А. Борису К. Зайцеву – к его восьмидесятилетию // Степун Ф. А. Большевизм и христианская экзистенция / под ред. В. К. Кантора. М. ; СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2017. 895 с.

Федякин С. Лики Флоренции в «Итальянских стихах» Александра Блока // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8, № 3. С. 861–870. DOI 10.15826/qr.2020.3.500.

Хождения во Флоренцию. Флоренция и флорентийцы в русской культуре. Из века XIX в век XXI / под ред. Е. Гениевой и П. Баренбойма. М. : Рудомино, 2003. 655 с.

Чулков Г. И. Годы странствий : Из книги воспоминаний. М. : Федерация, 1930. 397 с.

Шилыева А. Б. Зайцев и его беллетризованные биографии. Нью-Йорк : Волга, 1971. 175 с.

Яркова А. В. Жанровое своеобразие творчества Б. К. Зайцева 1922–1972 годов. Литературно-критические и художественно-документальные жанры. СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2002. 211 с.

Lo Gatto E. I miei incontri con la Russia. Milano : Mursia, 1976. 239 p.

References

Berdyayev, N. A. (1915). *Chuvstvo Italii* [The Sense of Italy]. In *Birzhevye vedomosti*. July 2. No. 14 039, p. 2.

Chulkov, G. I. (1930). *Gody stranstvii. Iz knigi vospominanii* [Years of Wandering. From the Book of Memoirs]. Moscow, Federatsiya. 397 p.

Deotto, P. (1998). *Materialy dlya izucheniya ital'yanskogo teksta v russkoi kul'ture* [Materials for the Study of the Italian Text in Russian Culture]. In *Slavica Tergestina*. No. 6, pp. 197–226.

Deotto, P. (2004). “Obrazy Italii” Muratova: postizhenie svoego v Chuzhom [Muratov’s *Images of Italy*: Comprehending One’s Own in Another]. In Majmieskutow, A. (Ed.). *Literackie jako dzieło literackie*. Bydgoszcz, Wydawnictwo Akademii Bydgoskiej, pp. 455–460.

Dragunova, Yu. A. (2011). Mifologema Rossii v tvorchestve B. K. Zaitseva [The Mythologeme of Russia in the Works of B. K. Zaitsev]. In *Tvorchestvo B. K. Zaitseva i mirovaya kul'tura. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 130-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya. 27–29 aprelya 2011 goda*. Oryol, Orlovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 60–64.

Dudina, E. F. (2007). *Tvorchestvo B. K. Zaitseva 1901–1921 godov: svoeobrazie khudozhestvennogo metoda* [B. K. Zaitsev’s Creative Work of 1901–1921: The Originality of the Artistic Method]. Dis. ... kand. filol. nauk. Oryol, S. n. 230 p.

Fedyakin, S. (2020). Liki Florentsii v Ital'yanskikh stikhakh Aleksandra Bloka [The Faces of Florence in Alexander Blok’s Italian Poems]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8. No. 3, pp. 861–870. DOI 10.15826/qr.2020.3.500.

Gardzonio, S. (2006). Ob ital'yanskikh stikhakh Gumileva, Gorodetskogo i Pasternaka: (freski pizanskogo Kamposanto) [About the Italian Poems of Gumilyov, Gorodetsky, and Pasternak: (Frescoes of the Camposanto of Pisa)]. In Gardzonio, S. *Stat'i po russkoi poezii i kul'ture XX veka*. Moscow, Vodolei Publ., pp. 37–42.

Genieva, E., Barenboim, P. (Eds.). (2003). *Khozheniya vo Florentsiyu. Florentsiya i florentitsy v russkoi kul'ture. Iz veka XIX v vek XXI* [Going to Florence. Florence and the Florentines in Russian Culture. From the 19th Century to the 21st Century]. Moscow, Rudomino. 655 p.

Grebneva, M. P. (2009). *Kontseptosfera florentiiskogo mifa v russkoi slovesnosti* [The Conceptosphere of the Florentine Myth in Russian Literature]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 182 p.

Kara-Murza, A. A. (2009). “Prostranstvo kul'tury” versus “prostranstvo vlasti”. (Istoriosofskie razmyshleniya Borisa Konstantinovicha Zaitseva) [“The Space of Culture” versus “The Space of Power” (Historiosophical Reflections of Boris Konstantinovich Zaitsev)]. In Kara-Murza, A. A. *Intellektual'nye portrety. Ocherki o russkikh myslitelyakh XIX–XX vv.* Moscow, Institut filosofii RAN. Iss. 2, pp. 40–62.

- Kara-Murza, A. A. (2016). *Znamenitye russkie o Florentsii* [Famous Russians about Florence]. Moscow, Izdatel'stvo Ol'gi Morozovoi. 639 p.
- Komolova, N. P. (1998). *Italiya v sud'be i tvorchestve B. Zaitseva* [Italy in B. Zaitsev's Fate and Work]. Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN. 86 p.
- Komolova, N. P. (2005). *Italiya v russkoi kul'ture Serebryanogo veka. Vremena i sud'by* [Italy in the Russian Culture of the Silver Age. Times and Destinies]. Moscow, Nauka. 470 p.
- Konstantinova, S. L. (2005). "Ital'yanskii tekst" russkoi literatury XIX–XX vv. [The "Italian Text" of Russian Literature of the 19th–20th Centuries]. Pskov, Pskovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 159 p.
- Lo Gatto, E. (1976). *I miei incontri con la Russia*. Milano, Mursia. 239 p.
- Lotman, Yu. M. (2004). *Semiosfera* [Semiosphere]. St Petersburg, Iskustvo-SPb. 704 p.
- Mednis, N. E. (2003). *Sverkhteksty v russkoi literature* [Metatexts in Russian Literature]. Novosibirsk, Novosibirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 170 p.
- Osorgin, M. A. (1923). Etyudy o pisatelyakh. B. K. Zaitsev [Etudes about Writers. B. K. Zaitsev]. In *Novaya russkaya kniga*. No. 3–4, pp. 8–9.
- Panova, L. G. (2019). *Ital'yanyas', ruseya: Dante i Petrarka v literaturnom diskurse Serebryanogo veka ot simvolistov do Mandel'shtama* [Turning into Italians, Turning into Russians: Dante and Petrarch in the Literary Discourse of the Silver Age from the Symbolists to Mandelstam]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 679 p.
- Perepiska B. K. Zaitseva s Ol'gai Sin'orelli (1923–1965) [B. K. Zaitsev's Correspondence with Olga Signorelli (1923–1965)]. (2012). In Garetto, E., d'Amelia, A., Kumpan, K., Rizzi, D. (Eds.). *Russko-ital'yanskii arkhiv IX. Ol'ga Resnevich-Sin'orelli i russkaya emigratsiya. Perepiska*. Salerno, S. n., pp. 231–250.
- Romanovich, A. (1999). Italiya v zhizni i tvorchestve B. K. Zaitseva [Italy in B. K. Zaitsev's Life and Creative Work]. In *Russkaya literatura*. No. 4, pp. 54–67.
- Rylova, A. E. (2014). "Kuda vedut vse puti..." Italiya v tvorchestve Borisa Zaitseva ["Where All Paths Lead..." Italy in Boris Zaitsev's Creative Work]. Ivanovo, Shuya, Izdanie Episheva O. V., Izdatel'stvo Shuiskogo filiala Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. 320 p.
- Sebeztko, E. S. (2011). "Umnozhayushchiesya" otrazheniya: Zaitsev, Muratov, Bekford ["Multiplying" Reflections: Zaitsev, Muratov, Beckford]. In *Tvorchestvo B. K. Zaitseva i mirovaya kul'tura. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 130-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya. 27–29 aprelya 2011 goda*. Oryol, Orlovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 26–30.
- Shilyaeva, A. B. (1971). *Zaitsev i ego belletrizovannye biografii* [Zaitsev and His Fictionalised Biographies]. N. Y., Volga. 175 p.
- Stepanova, T. M. (2004). *Khudozhestvennyi mir publitsistiki russkogo zarubezh'ya. Boris Zaitsev* [The Artistic World of the Journalism of the Russian Abroad. Boris Zaitsev]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 327 p.
- Stepun, F. A. (2017). Borisu K. Zaitsevu – k ego vos'midesyatiletiyu [Boris K. Zaitsev – for His Eightieth Birthday]. In Stepun, F. A. *Bol'shevizm i khristianskaya ekzistentsiya* / ed. by V. K. Kantor. Moscow, St Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 895 p.
- Voropaeva, E. V. (1993). Zhizn' i tvorchestvo Borisa Zaitseva [The Life and Work of Boris Zaitsev]. In Zaitsev, B. K. *Sochineniya v 3 t.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura, Terra. Vol. 1, pp. 5–47.
- Yarkova, A. V. (2002). *Zhanrovoe svoeobrazie tvorchestva B. K. Zaitseva 1922–1972 godov. Literaturno-kriticheskie i khudozhestvenno-dokumental'nye zhanry* [Genre Originality of B. K. Zaitsev's Creative Work of 1922–1972. Literary-Critical and Artistic-Documentary Genres]. St Petersburg, Leningradskii gosudarstvennyi universitet imeni A. S. Pushkina. 211 p.
- Zaitsev, B. K. (1922). *Dante i ego poema* [Dante and His Poem]. Moscow, Vega. 32 p.
- Zaitsev, B. K. (1957). O sebe [About Myself]. In *Vozrozhdenie*. Paris, No. 70.
- Zaitsev, B. K. (1999–2001). *Sobranie sochinenii v 11 t.* [Collected Works. 11 Vols.]. Moscow, Russkaya kniga.

The article was submitted on 02.05.2022